

упоминание дуки Крита в этой грамоте не противоречит признанию Хрисоверга господином этих крестьян, ибо у нас есть некоторые основания считать, что на Крите сравнительно рано начался процесс феодализации чиновной аристократии и дуки Крита стали практически феодальными сеньерами острова, — Хрисоверг в таком случае был вассалом дуки Крита.

Бряд ли правомерно термин *ἀνδροπος* переводить как парик (стр. 51), — по всему смыслу документа нотариий Керамари скорее вассал великого друнгария Гавалы, чем его зависимый крестьянин.

Нет необходимости предполагать, что земли, которые парики монастыря Лемвиотиссы продавали своему сеньеру, не входили в состав монастырских владений (стр. 57). Покупка земли у собственного держателя довольно часто практиковалась в средневековой Англии, причем покупались и те надель, которые продавец держал от покупателя; то же самое могло иметь место и в Византии — грамота Михаила Архонтицы, продавшего в 1271 г. свою стась в деревне Дрианувена супругам Мелиссинам, которые были сеньерами Дрианувены (стр. 53 и сл.), является отличным примером сделки такого рода.

Заканчивая обзор книги Г. Острогорского, я хотел бы отметить несколько интересных мыслей, высказанных, правда, вскользь, вне непосредственной связи с основной концепцией автора. Так, Г. Острогорский рассматривает ренту как основу отношений парика и феодала (стр. 66), отмечает неравномерность цен на землю (стр. 62)²⁵, стремится выяснить отличие византийских париков от колонов Поздней Римской империи, заключающееся в том, что колон был прикреплен к земле, тогда как парик являлся зависимым человеком своего сеньера (стр. 67). Г. Острогорский отмечает наличие разнообразных категорий париков²⁶, оговаривая вместе с тем нечеткость византийской терминологии и отсутствие резких переходов между отдельными группами зависимого населения (стр. 69 и сл.); при этом он, в частности, убедительно показывает, что дулопариков нельзя отождествлять с рабами (стр. 71)²⁷.

Таким образом, мы можем видеть, что рецензируемая книга является чрезвычайно интересной, помогающей правильно понять основные черты византийского феодализма. Она подводит итоги тому, что сделано в последние годы, учитывая выводы исследований болгарских и советских историков-марксистов; вместе с тем она ставит новые проблемы и дает новые формулировки, открывая пути для дальнейшего изучения аграрной истории Византии. Конечно, в этом вопросе еще не все ясно, еще о многом можно и нужно спорить, однако три положения исследования Г. Острогорского представляются мне доказанными:

термин мог применяться и к высшим чиновникам; например, в хиландарской грамоте 1310 г. *ὁ ἐπὶ τοῦ χαμικλείου* назван *αὐθέντης ἡμῶν* — V. Mošin in: A. Sovre. *Dodatki h grškim listinam Hilandarja*. Ljubljana, 1948, № 2.13.

²⁵ О неравномерности цен см. также Д. Ангелов. Принос у поземлените отношения във Византия, стр. 58. Иначе — Н. Glykatzis. *L'épitéleia*. . . , p. 92.

²⁶ См. об этом также Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 27—37; Д. Ангелов. Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 71—93.

²⁷ Б. Т. Горянов (Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 30) отождествляет дулопариков с рабами; Д. Ангелов (Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 85—87) полагает, что дулопарики были близки к рабам, хотя и не являлись подлинными рабами. Наоборот, П. Харанис (P. Charanis. *On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire*. . . , p. 141) видит в дулопариках свободных бедняков.

При этом возможно, что в XV—XVI вв. термин „дулеут“ приобретает новое значение — „невольник“ (см. например, *Ἰάκωβος Τριβώλης. Ποιήματα*, hrsg. von J. Irmscher. Berlin, 1956, S. 76.148, а также S. 88.291 и 92.341).